

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09

ЕДИНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА
РАННИХ КАВКАЗСКИХ ПОЭМ И ПОВЕСТЕЙ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

И.С.Абрамовская

Гуманитарный институт НовГУ, irina.abramovskaya@novsu.ru

Анализируются художественные принципы, общие для всех ранних кавказских поэм и повестей М.Ю.Лермонтова (1828-1835 гг.). Выделены основные составляющие художественного мира произведений: поэтизация географического пространства, воспроизведение черт патриархального уклада, изображение своеобразного *genius loci*.

Ключевые слова: М.Лермонтов, кавказские поэмы и повести, географическое пространство, патриархальная культура, герой места

The article analyzes the fictional principles being common to all the early Caucasian poems and novelets by M.Lermontov (1828-1835). The author emphasizes the basic elements of Lermontov's fiction works: poetizing of geographical space, depiction of patriarchal culture, presence of some *genius loci*.

Keywords: M.Lermontov, Caucasian poems and novels, geographical space, patriarchal culture, genius loci

Предметом настоящего исследования стали поэмы и повести в стихах, написанные Лермонтовым с 1828 по 1835 гг.: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Измаил-бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи абрек». Произведения юного поэта воспринимаются как единый текст, для которого характерны поэтизация географического пространства, воспроизведение особенностей патриархального уклада, изображение своеобразного «героя места» (*genius loci*), органично соединенного с ландшафтом Кавказа.

Широко известно, что влюбленность Лермонтова в Кавказ связана с впечатлениями от поездок на лето к кавказским родственникам — в 1818, 1820, 1825 годах. В посвящении к поэме «Аул Бастунджи» поэт называет себя «сыном Кавказа»:

Тебе, Кавказ — суровый царь земли, —
Я снова посвящаю стих небрежный;
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;
На севере, в стране тебе чужой
Я сердцем твой, — всегда и всюду твой!.. [1]

Здесь же он объясняет главную причину привязанности к «зубчатым хребтам», «синему туману», «седым облакам» — он нашел в горах Кавказа всё, что было созвучно его душевному настрою, его жажде деятельности, движения, борьбы, свободы, в общем, всему тому, что воплотилось в поэтической формуле:

Я в край надзвездный пылкою душой
Летал на колеснице громовой!..

Таким образом, географическое пространство является важнейшим основанием восприятия текстов как части единого замысла, их основополагаю-

щим жанровым признаком. Кавказ стал главным источником вдохновения поэта [2]. Юношеские произведения Лермонтова не просто романтические, но *кавказские* поэмы и повести. На начальном этапе отношение к Кавказу было пропитано «метафизической тоской по свободе как таковой. Кавказ выступал не столько как культурно и географически локализованный, переживаемый и познаваемый мир, сколько как воображаемое пространство абсолютной свободы, в которое как бы продлевался русский фольклорный мотив “вольной воли”, “вольному воля”» [3]. Изображения кавказской природы в произведениях насыщены авторским субъективным восприятием и, одновременно, точны (хотя, надо признать, что у него нет картин, подобных пушкинскому «Кавказу» — вот где ботаническая точность гармонично соединена с поэтической!). Однако эта точность появилась не сразу, а по мере «взросления» Лермонтова и развития его индивидуального почерка [4]. В поэме «Черкесы» (1828) пейзаж еще достаточно условный, подобный можно встретить во многих романтических произведениях:

Уж в горах солнце исчезает,
В долинах всюду мертвый сон,
Заря, блистая, угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долинах стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах.

Но уже в произведениях 1830-х годов в пейзаже больше собственных впечатлений, подчеркивается субъективное отношение, как это видно по процитированному выше отрывку из «Аула Бастунджи», а также по описаниям «седого Кавказа», содержащимся в «Измаил-бее»:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я пунтик не чужой;
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...

И далее:

Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, громких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и поток
Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блится, как цветы небес и рая...

В природе все одухотворено воображением поэта, возникают причудливые ассоциации. «Волшебный замок» рассеянных ветром облаков напоминает ему об узнике — «преступном страдальце», звон цепей которого прерывает сновидение о родине. Взгляд ввысь, в бездну неба характерен для всего лермонтовского творчества, а на Кавказе весь ландшафт устремлен вверх — к горным вершинам, возносящимся зачастую выше облаков.

Иннокентий Анненский в статье «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе» (1891) отметил, что Лермонтов «из всех русских поэтов ... может быть, всего непосредственное и безраздельнее любил природу; он тонко понимал ее» [5], любил подмечать изменчивость картин, переход от рассвета ко дню, от дня к вечеру, любил синее небо, золотое солнце, воздух, пронизанный солнечными лучами, прекрасен его ночной пейзаж, «в природе он особенно любит движение: вспомним чудных его лошадей у Измаил-Бей, у Казбича <...>» [6]

Он бьет и дергает коня,
И конь летит, как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор, <...>

Горы и реки — герои стихотворений и поэм Лермонтова. Терек, Арагва, Казбек, Эльбрус, Машук, Бештау — всех наделил он индивидуальными чертами, они приобрели характер. В поэме «Измаил-Бей» «Бешту» — суровый, а река Аргуна и лезгинка Зара будто сестры. Даже имя реки Лермонтов изменил и «Аргун» превратил в «Аргуну». Аргуну, как и Зару, называет поэт «дитя природы», она «вольнолюбива» и «резва», «резвится и играет».

Она сама между снегов родится,
И там, где даже серна не промчится,
Дитя природы, с детской простотой,
Она, резвясь, играет и катится!

Та же гармония человека и природы в рассказе о героине поэмы «Аул Бастунджи» Селиме, который рос «как птичка, меж землей и небесами».

Блуждая с детства средь родных высот,
Привык он тучи видеть под ногами,
А над собой один безбрежный свод...

Жизнь горцев сливается с жизнью природы, это часть их мира. Это единство постоянно подчеркивается сравнениями животных с людьми и с предметами быта, как, например, в «Измаил-бее»:

И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиной:
Так сталь кольчуги иль копыя
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блится в сумраке ночном.

Или в поэме «Аул Бастунджи»:

И там, когда вечерняя заря
Бледнеющим румянцем одевает
Вершины гор, - пустынная змея
Из-под камней, резвясь, выползает;
На ней рябая блещет чешуя
Серебряным отливом, *как блистает*
Разбитый меч, оставленный бойцом
В густой траве на поле роковом.

Встречаются примеры, когда поведение людей, определенный тип личности приносят в мир природы дисгармонию, мрачные краски, как это подчеркивается в портрете Измаила:

Он обладал пылающей душою,
И бури юга отразились в ней
Со всей своей ужасной красотой.

Однако в основном в произведениях Лермонтова Кавказ предстает как цветущий край, насыщенный красками, звуками, экспрессией. Особенно ценно замечание Иннокентия Анненского, передающее самую суть лермонтовского ощущения природы Кавказа: «Природа не была для Лермонтова предметом страстного и сентиментального обожания: он был слишком *трезв душою* для Руссо. Быть поэтом-пантеистом, как возмужавший Гете, мешала ему гордая и своеобразная природа Кавказа, да и сам он чувствовал себя перед этой чистой природой слишком страстным, слишком грешным существом. Природа не была для Лермонтова и утомительным калейдоскопом ощущений, как для Гейне: наоборот, он любил постоянство ощущений, образы у него прочно залегают в душе и в поэзии упрямо повторяются» [7]. Это свойство дарования Лермонтова проявилось и в работе над редакциями «Демона», и в длительном пути к замыслу, который вызревал в течение нескольких лет, пока, наконец, не приобрел форму в «Мцыри».

Во всех названных юношеских произведениях описывается мусульманский Кавказ, а это определенный тип героя и особый быт. Приобщение к культуре и быту кавказских народов шло через песни, легенды, предания, древние мифы о горах и реках Кавказа, о горском быте. Вспомним «Черкесскую песню» («Измаил-бей») с характерным призывом — «Не женися, молодец, / Слушайся меня: На те деньги, молодец, / Ты купи коня!». В песне фольклорные, мифологические мотивы, этнографические детали, связанные с центральными персонажами произведения, для которых все еще важны законы патриархальной жизни.

Мечеть — необходимая составляющая описания аула, мулла часто является активным участником

ком событий, как, например, в «черкесской повести» «Каллы»; либо он просто свидетель всего происходящего («Аул Бастунджи»). С большим любопытством поэт изучал обычаи горцев и в произведениях подчеркивает их гостеприимство, побратимство, куначество, глубокие кровные узы, связывающие всех членов рода. Одновременно разрабатывается и мотив мщения по разнообразным поводам: это и мщение из страсти («Аул Бастунджи»), и кровная месть («Хаджи Абрек», «Каллы»), обрекающая мстителей на одиночество. А.Е.Коновалова, рассуждая о теме рока у Лермонтова, замечает, что кровная месть — «это не только заданность личной судьбы, определенная запрограммированность земного пути, но чувство ответственности перед родом, ощущение неразрывной органичной связи со своими предшественниками, ощущение себя некоторым “звеном” в общей цепи, преемственности поколений, подчинение общему порядку, предначертанному свыше и длящемуся веками» [8]. Для Лермонтова всегда интересен мотив противостояния Судьбе, и в произведениях подчеркивается новое в поведении героев-мстителей: в отдельных случаях они начинают задумываться над тем, что творят («Каллы»), не подчиняются родовому обычаю и обращают свой гнев против подстрекателей к убийству. То есть уже на раннем этапе своего творческого развития Лермонтов задумывается над проблемой взаимодействия отдельного человека и «среды», в соответствии с романтической традицией герой выделен из среды, внутренне оппозиционен ей и потому страдание и одиночество становятся его уделом.

Картины мирной жизни в поэмах связаны с девушками и женщинами. Их образы пленительны, изящны, пластичны, они сравниваются с восточными пери. Если в произведении появляется портрет девушки, то он нарисован с любовью и восхищением, возникают сравнения с природным миром, к которому девушки близки. Таков, например, портрет Зары из поэмы «Аул Бастунджи»:

Казалось, вся она была слита,
Как гурии, из сумрака и света; <...>
Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были; <...>
Змеились косы на плечах младых,
Оплетены тесьмою золотою...
Прекрасна вольной дикой простотою,
Как южный плод румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой.

Но окружающий мир губит эту красоту. Девушка неизменно становится жертвой либо мести («Каллы», «Хаджи Абрек»), либо безумной страсти («Аул Бастунджи», «Измаил-Бей»). В повести «Измаил-Бей» облик героини двойствен: она «как пери молодая» и она же предстает в образе девушки-воительницы, последовавшей за любимым на войну, передевшись в мужское платье. В произведениях XIX века о Кавказе подобный образ — исключение. Война — это удел мужчин. Они рождены для брани, придающей смысл жизни:

«Смотри, как всякий биться рад
За дело чести свободы!..

Так точно было в наши годы.
Когда нас вел Ахмат-Булат! —
С улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважных юношей полки;
Пора! Кипят они досадой:
Что русских нет? — им крови надо! («Измаил-Бей»)

Вводится актуальная для литературы XIX века тема покорения кавказских народов и, шире, тема оппозиции Россия — Восток, на которую указывает эпиграф к «Каллы» из Байрона:

Вот край Востока: вот страна Солнца —
Может ли оно улыбаться деяниям своих детей?...

Несмотря на всю свою любовь к кавказским горам, поэт далек от идеализации жизни горцев. Их мир полон противоречий — он может рождать и воспитывать истинных патриотов, людей, способных на великие дела и высокие чувства, безрассудно храбрых, но он же порождает братоубийц, клятвопреступников, трусов.

Наиболее четко противоречия жизненного уклада горцев отражены в сложной по своей структуре восточной повести «Измаил-Бей». В ней поэт выразил свое понимание истории, «философию истории», мысль о «необратимости исторического развития человеческого общества», ведущей к «неотвратимой гибели патриархального уклада жизни кавказских народов» [9] под натиском цивилизации. Это, так сказать, внешние причины коренных изменений. Но показаны и внутренние трагические противоречия — народ дал жизнь «созданию земли и рая» Заре, и он же создал закон кровной мести, которая приведет к самоистреблению в замкнутом мире Кавказа. Трагична и участь героев, подобных Измаил-бею, внутренне раздвоенных: приобщение к цивилизации привело к разочарованию, но вновь обрести «потерянный рай» они не могут.

По мере роста мастерства поэта оттачивается стих, Лермонтов экспериментирует со строфой, усложняется сюжет, изобразительная сторона текстов насыщается новыми деталями и образами, но основополагающие принципы изображения кавказского мира остаются неизменными. И постепенно формируется лермонтовский «кавказский миф», вобравший в себя и «синие горы», и разные судьбы обитателей этих гор. По верному наблюдению К.Н.Григорьян, относящемуся к восточной повести «Измаил-Бей», это важный этап «на пути становления эстетической системы Лермонтова, поэтики его романтизма» [10]. На наш взгляд, постепенное погружение в поэтический мир всех юношеских кавказских поэм и повестей дает возможность проследить эволюцию творчества, увенчавшегося, в итоге, поэмами, которые считаются вершинным достижением русского романтизма — «Мцыри» и «Демон».

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-34-10207).

Публикация статьи посвящается 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова.

Bibliography (Transliterated)

1. Произведения М.Ю.Лермонтова цитируются по: Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х томах / Под общей ред. И.Л.Андроникова, Д.Д.Благого, Ю.Г.Оксмана. Т.2. Поэмы и повести в стихах. М., 1958.
2. Келли Л. Лермонтов. Трагедия на Кавказе. М., 2006. С.39.
3. Султанов К.К. Преодолевать отчуждение (Кавказский дискурс русской литературы) // Литературоведческий журнал. 2007. №21. С.21-35. С.26.
4. Мы намеренно не касаемся проблемы «ученичества» Лермонтова, влияния на его творчество поэзии Байрона, Пушкина, прозы Бестужева-Марлинского.
5. Анненский И. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С.247.
6. Там же. С.248.
7. Там же. С.249.
8. Коновалова А.Е. Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова // Литературоведческий журнал. 2006. №20. С.17.
9. История романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20-30-х годов XIX века. М., 1979. С.286.
10. Григорьян К.Н. «Измаил-бей» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С.187-189.
1. Proizvedenija M.Ju.Lermontova citirujutsja po: Lermontov M.Ju. Sobr. soch. v 4-h tomah / Pod obshhej red. I.L.Andronikova, D.D.Blagogo, Ju.G.Oksmana. T.2. Pojemy i povesti v stihah. M., 1958.
2. Kelli L. Lermontov. Tragedija na Kavkaze. M., 2006. S.39.
3. Sultanov K.K. Preodolevat' otchuzhdenie (Kavkazskij diskurs russkoj literatury) // Literaturovedcheskij zhurnal. 2007. №21. S.21-35. S.26.
4. My namerenno ne kasaemsja problemy «uchenichstva» Lermontova, vlijanija na ego tvorcestvo poezii Bajrona, Pushkina, prozy Bestuzheva-Marlinskogo.
5. Annenskij I. Ob jesteticheskom otnoshenii Lermontova k prirode // Annenskij I. Knigi otrazhenij. M., 1979. S.247.
6. Tam zhe. S.248.
7. Tam zhe. S.249.
8. Konovalova A.E. Tema Roka v kavkazskih poemah Lermontova // Literaturovedcheskij zhurnal. 2006. №20. S.17.
9. Istorija romantizma v russkoj literature: Romantizm v russkoj literature 20-30-h godov XIX veka. M., 1979. S.286.
10. Grigor'jan K.N. «Izmail-bej» // Lermontovskaja jenciklopedija. M., 1981. S.187-189.

УДК 821.161.1

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ» (1861-1865)

Н.Н.Вихрова

Институт непрерывного педагогического образования НовГУ, vhn@mail.ru

В статье детально описывается поэтический материал, помещенный на страницах литературно-общественной газеты «День» (1861-1865), с целью выявления своеобразия литературно-эстетических взглядов И.С.Аксакова в пореформенное время.

Ключевые слова: *русская поэзия, славянофильство, журналистика, эстетический, И.С.Аксаков*

The article describes in detail the poetic material, placed on the pages of a literary-public newspaper «Dyen» (1861-1865), in order to identify the characteristics of the literary and aesthetic views of I.Aksakov in post-reform period.

Keywords: *Russian poetry, slavophilism, journalism, aesthetic, I.S.Aksakov*

Литературно-эстетические воззрения славянофилов, разумеется, попадали в поле внимания исследователей [1], но, как правило, рассматривались в общем ключе и преподносились в качестве коллективной программной концепции, авторами которой в разное время были И.В.Киреевский, А.С.Хомяков, К.С.Аксаков, Т.И.Филиппов, Н.П.Гиляров-Платонов, И.С.Аксаков [2].

Позиция последнего наиболее важна для эстетических споров именно пореформенного времени, так как среди всего медийного разнообразия 1860-х годов, по мнению И.Аксакова, только газета «День» представляла славянофильскую идеологию во всей чистоте. Исследовательская мысль в отношении славянофильской эстетической концепции в пореформенное время сводится к следующему: категорически не принимая теории «чистого искусства» и «критического реализма», славянофилы считали, что современная литература и искусство должны изменить свое направление с «отрицательного» на «положительное»; ростки «положительного» направления представлены в творчестве С.Т.Аксакова и Кохановской; «положительное» направление предполагает идею народности, которая реализована в языке; тво-

рить в этом направлении может только художник, внешне и внутренне проникнутый православно-народным духом. Эта эстетическая теория, разумеется, должна была в полной мере отразиться в практике славянофильской журналистики. На необходимость того, что «нужно извлечь материалы об искусстве и эстетике из забытых, но ценных» журналов и газет, среди которых и газета «День», указывал при переиздании своих работ в 2009 г. Б.Ф.Егоров [3]. Для того чтобы составить целостное представление об эстетической программе «Дня», целесообразно учесть в первую очередь «поэтический фон» газеты, поскольку он свидетельствует о «практической» значимости для славянофильского редактора изящной словесности вообще [4].

В период издания газеты «День» И.Аксаков мыслил себя безусловным «ортодоксальным» славянофилом. Отказывая А.А.Брянчанинову в публикации его стихов на страницах газеты «День», Аксаков объяснял: «В газете моей стихи помещаются не всегда, и потому я поневоле отношусь строже к присылаемым стихотворным творениям, чем другие журналы» [5]. И.Аксаков столь придирчиво относился к стихам, потому что, с одной стороны, не хотел при-